

К.А.Шварцман

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЭТИКА: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ



КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА



КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Шварцман К. А.

ШЗЗ Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность. — М.: Мысль, 1983. — 215 с. — (Критик буржуаз. идеологии и ревизионизма).

85 к.

Книга посвящена критическому анализу наиболее популярных направлений буржуазной этики XX в., характеризующих логику ее развития: интуитивизма, школ лингвистического анализа, различных форм натурализма, концепции нравственного воспитания и т. д. Автор полагает, что на основе принципа «моральной нейтральности», теории «моральной терапии» и др. не могут быть решены жгучие проблемы нравственной жизни буржуазного общества.

Ш 0302020300-026 35-83
004(01)-83

ББК 87.3я02

1ФБ

Клара Ароновна Шварцман

**СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЭТИКА:
ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ**

ИБ № 1537

Заведующая редакцией В. Е. Викторова

Редактор В. Г. Глухов

Младший редактор Е. И. Дых

Оформление художника В. П. Григорьева

Художественный редактор А. М. Павлов

Технический редактор Л. П. Гришина

Корректор С. С. Новицкая

Сдано в набор 23.08.82. Подписано в печать 24.12.82. А 01214.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Литерат. гарн. Высокая печать.
Усл. печ. листов 11,34. Учетно-изд. л.
Тираж 20 000 экз. Заказ

Издательство «Мысль». 117071.

Московская типография № 1
при Государственном комитете СССР по
и книжной то
Хохловский п

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУРЖУАЗНОЙ ЭТИКИ XX В.	6
--	---

Глава I. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЭТИКИ XX В.	—
--	---

1. Упадок моральных ценностей и поиски новых путей развития этики	—
2. Метаэтика и закрепление иррационального подхода к морали	11
3. Призывы к новой переориентации этики	21

Глава II. СТРАХ ПЕРЕД «НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЙ ОШИБКОЙ» И НАЧАЛО РАЗРУШЕНИЯ ЭТИКИ	29
---	----

1. Добро объективно.. но неопределимо	30
2. Истинность морали недоказуема	40

Глава III. «МОРАЛЬНАЯ СТЕРИЛЬНОСТЬ», ИЛИ ЭТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ПОЗИТИВИЗМА	45
---	----

1. Эмотивизм	46
2. Школа лингвистического анализа	58
3. «Новый натурализм», или дальнейшее умаление роли морали	73

Глава IV. ПОВОРОТ К НАТУРАЛИЗМУ В ЭТИКЕ И НОВЫЕ НАДЕЖДЫ НА УКРЕПЛЕНИЕ МОРАЛИ	80
--	----

1. Натуралистический подход к моральным ценностям	—
2. Природа моральных ценностей и этический сциентизм	89

Часть вторая

НОВЫЕ УТОПИИ ОБНОВЛЕНИЯ СТАРОГО МИРА	100
--	-----

Глава V. «ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ» Б. СКИННЕРА	100
1. «Оперантное поведение» — основа активности личности	103
2. «Технология поведения» и моральное содержание личности	113
Глава VI. ЭТИКА УТИЛИТАРИЗМА	122
1. Утилитаризм И. Бентама и Дж. Ст. Милля	125
2. Современный утилитаризм	131
Глава VII. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ Дж. РОЛСА	142
1. Поиски утраченных ценностей	—
2. «Справедливость как честность»	146
3. Справедливость и добро	154
Глава VIII. КРИЗИС МОРАЛЬНОЙ ТЕОЛОГИИ («ситуационная этика» Дж. Флетчера)	160
1. «Ситуационная этика» — метод, но не система	162
2. «Стратегия любви» — основа ситуационного подхода в этике	171
Глава IX. ЭТИКА И ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ	178
1. Соотношение философии воспитания, теории воспитания и этики	179
2. Закономерности развития морального сознания и их значение для нравственного воспитания личности	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	202

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

К.А.Шварцман

■

СОВРЕМЕННАЯ
БУРЖУАЗНАЯ
ЭТИКА:
ИЛЛЮЗИИ
И РЕАЛЬНОСТЬ

■



Москва «Мысль» 1983

ББК 87.3в02
Ш33

*Редакции
философской литературы*

Рецензенты:
докт. филос. наук Ю. В. Согомонов,
докт. филос. наук Н. Н. Крутов

Ш $\frac{0302020300-026}{004(01)-83}$ 35-83

© Издательство «Мысль». 1983

*Светлой памяти
Александра Федоровича
Шишкина*

Предисловие

Советские философы за истекшие два десятилетия проделали значительную работу по анализу буржуазной этики XX в. Большую роль сыграли исследования О. Г. Дробницкого, Т. А. Кузьминой, А. И. Титаренко, А. Ф. Шишкина и др. В них была дана классификация основных направлений и школ современной буржуазной этики, выявлены ее наиболее существенные особенности и идейные истоки, раскрыт истинный смысл той «революции», под знаком которой шло ее развитие с начала века. Эти исследования были затем дополнены анализом отдельных проблем, важных для выявления общей направленности различных школ в буржуазной этике (работы Л. В. Коноваловой, В. С. Пазенка и др.). Несомненно, что крайне важным для понимания состояния буржуазной этики является анализ моральной формы сознания буржуазного общества, наиболее убедительно данный в работах Ю. А. Замошкина, Ю. В. Согомонова, П. А. Ландесмана и др. Накопленный в советской литературе материал по критике современной буржуазной этики XX в. позволяет глубже проникнуть в суть ее новых доктрин, подтверждающих несостоятельность ее общих методологических установок, развенчать претензии ее представителей, которые расценивают их как коренное изменение этики, в силу чего она якобы способна формировать «новую мораль».

Усиление аморализма в буржуазном общественном сознании, безусловно, послужило одной из причин разочарования многих западных философов в истинности пути, по которому с начала века развивалась этика. Вновь стали оживать идеи о том, что этика поконится на «одной или нескольких ошибках», якобы способствующих дальнейшему падению не только нравственных, но и социаль-

но-политических устоев общества. Значительная часть буржуазных философов, как и представителей других общественных наук, признавая наличие глубоких противоречий, раздирающих капиталистический строй, видят их главную причину в отсутствии соответствующей моральной философии, являющейся, по их мнению, фундаментом для политической, правовой, социальной наук.

В буржуазной литературе активно обсуждаются перспективы развития этики. Во многих изданиях отмечается, что огромные достижения НТР, увеличение возможности воздействия человека на природную и социальную среду с особой силой ставят перед человеком проблему выбора, свободы, цели своих действий, решению которых должна помочь этика. Но чтобы выполнить свою задачу, она должна прежде всего найти рациональную основу моральных принципов, определяющих деятельность людей¹. Как отмечает американский профессор А. Гьюэрт, «в наш век, когда зло, совершаемое одними людьми против других, достигает по степени вандализма и трагичности неслыханных размеров, проблема рационального обоснования в этике выдвигается на одно из главных мест. Она выражает попытку внести ясный смысл в глубокие убеждения людей в отношении тех принципов, которыми они должны руководствоваться в своих действиях»².

Некоторые западные философы считают, что этика в своем развитии, чтобы быть наукой о морали, должна базироваться на новой концепции природы человека. Создать эту концепцию, по их мнению, должны естественные науки, учитывающие также условия культуры, поскольку человек есть единство внутренних и внешних факторов. Но при объяснении его поведения они, как правило, скатываются на позиции «натуралистического рационализма», перенося в сферу морали методы познания естествознания.

Представители других школ увлеклись конструкцией различных нормативных систем, выдвигаемых в качестве руководящих принципов поведения, и вокруг них ведут бесконечные споры. Бросается в глаза несовместимость их оценок: одни непомерно восхваляют эти системы, рассматривая их как «новую революцию» в этике, другие решительно отбрасывают их, убедившись в мифичности надежд на действительное оздоровление морали. В этом мы видим еще одно подтверждение крайней противоречи-

ности логики развития буржуазной этики XX в., покоящейся на ложной методологической основе. Проследить эту логику — задача предлагаемой книги.

Следует иметь в виду, что далеко не все философы буржуазных стран разделяют позиции, выраженные в исследуемых в нашей работе концепциях. Некоторые из них выступают с резким протестом против господствующего в буржуазном обществе мировоззрения, этических принципов культуры. К их числу, например, относится прогрессивный американский философ Б. Данэм, а также А. Швейцер — гуманист, активный борец за мир, снискавший уважение передового человечества. В работе «Культура и этика» он выступил с критикой буржуазного общества, его культуры, утратившей гуманные этические принципы лучших представителей этической мысли прошлого. Правда, в силу классовой ограниченности А. Швейцер видит основной фактор возрождения гуманистической культуры лишь в создании научной этики личности, не связанной с социальными условиями, в которых действует эта личность. Он верит, что такого рода этическая система позволила бы без ломки социальных отношений буржуазного общества решить его социальные и нравственные проблемы.

Позже А. Швейцер внес существенные изменения в свою этическую концепцию. Наиболее важными из них являются определение добра как проявления активной деятельности человека, направленной на совершенствование личности и общества. В этой связи он выступает против волюнтаризма, который имеет место в процессе освоения и использования обществом ресурсов природы. Этическая система А. Швейцера, таким образом, при всех присущих ей недостатках направлена против господствующих в буржуазном обществе этических систем, против иррационализма и релятивизма.

Мы не ставим перед собой цели дать анализ всех существующих направлений в этике, как и всей совокупности проблем, которые в последнее время привлекают внимание не только этиков, но также и социологов, экономистов, правоведов, представителей философских наук. По нашему мнению, логику развития современной буржуазной этики, ее основные методологические установки можно показать, дав анализ наиболее популярных систем в англоязычных странах.

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУРЖУАЗНОЙ ЭТИКИ XX В.

Глава I

Особенности развития буржуазной этики XX в.

1. Упадок моральных ценностей и поиски новых путей развития этики

В настоящее время современную буржуазную этику занимают два основных вопроса: 1) какова природа моральных суждений, могут ли они иметь объективную основу? 2) каков критерий определения добра и могут ли в этой связи нормативные суждения рассматриваться как истинные или ложные? В частности, какое значение в определении истинности или ложности нормативных суждений имеют социальные последствия действий. По сути дела это традиционные вопросы, которыми занималась вся предшествующая этика. Как известно, в начале нашего века их решение было отвергнуто или взято под сомнение. Буржуазные философы самых различных школ стали настойчиво говорить о необходимости изменить общее направление в этике, изменить ее предмет и метод, с тем чтобы она смогла приобрести статус «строгой науки» и развиваться подобно другим отраслям научных знаний. Стремление дать этике новое направление было продиктовано прежде всего серьезными изменениями в моральном сознании и поведении людей, явившимися отражением углубляющегося всеобщего кризиса капиталистической системы.

По нашему мнению, наибольшее воздействие на этику оказали и оказывают два фактора: все углубляющийся процесс дегуманизации личности и усиление нигилизма и скептицизма в качестве важнейших симптомов интеллектуальной и моральной деградации капиталистического строя. Это вынуждены признать и наши идеологические противники. Так, американский социолог П. Бергер пишет: «Ужасная деморализация охватила наше общество».

во. В этом суть нашего кризиса, который проявляется не только в политической, но и в частной жизни. Мы потеряли уверенность в наших ценностях и в значимости самой жизни»¹. «Фатализм», «развенчанное сознание», «кризис норм» — под такими названиями все чаще публикуются на Западе книги, посвященные анализу духовного и морального состояния буржуазного общества. Их авторы отмечают, в частности, превращение человека в объект манипуляции со стороны крупного бизнеса. В этом отношении их мнения сводятся к тому, что «роль человека и все функции его деятельности определены и организованы управляющей элитой таким образом, чтобы они соответствовали установленным ею императивам, но отнюдь не потребностям и желаниям работающих»². Такая общественная организация деятельности, естественно, выхолащивает индивидуальные особенности человека, сводя их лишь к технике приспособления к окружающей социальной среде, и не требует проявления особых человеческих, в том числе и моральных, качеств. В этих условиях, как считают многие буржуазные ученые, человек теряет вкус и стремление к творческой деятельности, у него усиливается состояние страха, фрустрации, чувство вины и др.³

Буржуазные исследователи этики в связи с моральным кризисом, охватившим капиталистический мир, много говорят о моральном нигилизме и скептицизме как характерных чертах этого кризиса, обращая внимание на самые различные формы их проявления в современных условиях. Они говорят о нигилизме в среде научной интеллигенции, в том числе философов, занятых разработкой проблем морали. Обладая фактами, свидетельствующими об идейной деградации буржуазного общества, многие из них тем не менее предпочитают не говорить об аморализме самой общественной системы, а ограничиваются умозрительным, схоластическим анализом этических проблем.

Действительно, о моральном нигилизме говорят многие факты. Так, сравнительно большое количество людей, принадлежащих к различным социальным группам, молчаливо наблюдают возрождение в некоторых капиталистических странах авторитарной власти, понимая ее враждебность интересам личности, ее подлинной свободе. Наиболее отчетливо моральный нигилизм выражается в широко распространенном чувстве безразличия ко

всему происходящему в мире и особенно к судьбам других людей. Безразличие уже само по себе несовместимо с идеалами гуманизма, тем более что в условиях капиталистической действительности оно открыто перерастает в бесчеловечность, жестокость. На страницах западных изданий подобные явления характеризуются следующим образом: «Отсутствие у людей чувства сострадания и долга по отношению к другим людям, отсутствие у них необходимого уровня моральной сознательности, их страх за собственную жизнь и благополучие, которые ставятся превыше всего, вызывают у них жестокость и грубый эгоизм, который проявляется в таких формах, какие только возможно себе представить»⁴.

Но дело не только в том, что безразличие порождает эгоизм и жестокость. Здесь следует подчеркнуть, что чувство безразличия не укладывается в рамки подлинной морали. Ведь человек, безразлично относящийся к другим людям, не только не в силах понять их ценности, но теряет собственную ценность. Следовательно, он не может понять основу подлинно моральных отношений между людьми, ибо, как правильно пишет один из буржуазных исследователей современной этики, «любовь, товарищество, дружба, общительность требуют, чтобы для одного человека другой был главным объектом ценности, тем объектом, на который должны быть направлены все эти чувства»⁵. На уровне теории это выражается в «эрозии воли», когда речь идет о решении важных социальных проблем. Правда, редко кому из буржуазных исследователей, правильно подчеркивающих моральную опустошенность людей и ее пагубное воздействие на их образ жизни, удастся выявить подлинные причины этой опустошенности. Так, один из авторов вышеназванной книги «Мораль политиков» пытается связать моральную опустошенность массы людей лишь с влиянием нравов, бытующих среди политических деятелей, в частности с их безудержным эгоизмом. Но такой подход не позволяет вскрыть действительные социальные причины моральной деградации капиталистического общества, являющиеся отражением в морали общего кризиса социальной системы в целом.

В работах западных исследователей, посвященных анализу духовного состояния капиталистического общества, много внимания уделяется отказу людей от моральных принципов. Ряд авторов справедливо связывают это

с существующим разрывом между формально признаваемыми моральными принципами и полным отказом от них на практике. Они правильно замечают, что этот разрыв порождает у многих людей сомнения в том, нужны ли вообще моральные принципы. «Мы являемся обществом без моральной опоры... Многие молодые люди даже вздрагивают при слове «мораль», а это является первым шагом на пути к аморализму»⁶. В некоторых работах подчеркивается неразрывная связь между отчуждением личности, ее изоляцией от общественных целей и антисоциальным поведением⁷.

Аморализм в капиталистическом обществе принимает в наши дни самые уродливые формы, вплоть до безмерного восхваления моральной (особенно сексуальной) распушенности, пропаганды порнографии, наркомании, культа насилия, пронизывающего многие произведения искусства, литературы и другие сферы культуры. Это в определенной мере признают и буржуазные исследователи, считая, что «все средства массовой информации — от телевидения до журналов — создают культуру, в которой никто не может рассчитывать на то, чтобы услышать истину, или выразить ее, или следовать ей»⁸. Естественно, что в этих условиях у людей притупляется чувство элементарной ответственности. Пытаясь как-то оправдать эти явления, буржуазные идеологи нередко пытаются «доказать», что современный человек вовсе не нуждается в нем.

Вместе с тем большинство трудящихся тяжело переносят моральный вакуум, чувствуют себя беспомощными и растерянными перед каждой новой жизненной ситуацией. Моральную опустошенность особенно остро переживает молодежь, которая, входя в жизнь, сталкивается с серьезными проблемами, обусловленными современным развитием капитализма. Решение этих проблем явно не укладывается в привычный образ буржуазного мышления и вызывает у многих западных исследователей горячие споры по вопросу о ценностях жизни. Как отмечает английский философ Дж. Хемминг, «люди никогда раньше так не спорили, как сейчас, о принципах, на основе которых должна быть построена их жизнь»⁹. Характерно, что в этих спорах немало людей отвергают необходимость следовать в своем поведении моральным нормам, но не потому, что они вообще против них. На собственном опыте они убеждаются в том,

что существующие в капиталистическом обществе нормы учитывают лишь интересы господствующих классов. Американский ученый Б. Данэм утверждает, что «многие статусы, принятые в интересах господствующих классов, в моральном отношении равны нулю, более того — большинству людей они несут зло»¹⁰.

Падение индивидуальной и общественной нравственности, распад личности и желание в связи с этим поднять престиж моральных принципов и норм, найти объективную основу для оценки поступков людей, социальных процессов и явлений — вот та главная причина, которая привела многих буржуазных философов XX в. к необходимости искать новые пути развития этики, придать ей современный научный вид. Эта задача остается для них первоочередной и ныне. Так, А. Гьюэрт признает: «Наиболее важной и трудной проблемой этики как философской науки является проблема рационального обоснования фундаментальных принципов морали. От ее решения зависит возможность выявить различие между правильным и неправильным, без знания которого невозможна практическая деятельность людей»¹¹.

Следует подчеркнуть, что стремление придать этике характер «строгой науки», несомненно, отражало и отражает общее направление развития наук, особенно на современном этапе, успехи которых помогли буржуазным философам осознать тот неоспоримый факт, что ни одна область знаний не может обойтись без прочного научного фундамента, без точного научного метода. Кроме того, необходимо учитывать роль субъективного фактора в этом вопросе, т. е. представителями какого класса будет использован этот метод и с какой целью.

Известно, что «новый» путь развития этики, ее «новый» метод представители моральной философии в конечном итоге отождествили с метаэтикой, которая утвердилась на Западе к 30-м годам нашего века, хотя способ анализа, лежащий в ее основе, был намечен еще в начале века английским философом Дж. Муром. Метаэтика была признана ими теорией, «раскрывающей философский смысл моральных суждений, которые мы делаем в рамках нормативной этики»¹². Сведение теории морали к метаэтике было расценено буржуазными философами как «революция» в этике. В течение последующих трех десятилетий они, как правило, связывали с ней свои надежды, считая ее панацеей от социальных

конфликтов нашей эпохи, и рассчитывали таким образом укрепить устой капитализма. Вместе с тем, как мы увидим дальше, сведение теории морали к метаэтике определило те наиболее характерные особенности буржуазной этики XX в., которые привели ее к явному тупику.

2. Метаэтика и закрепление иррационального подхода к морали

Два положения метаэтики, согласно мнению ее последователей, с самого начала явились оправданными для понимания задач и содержания теории морали.

1. В соответствии с основной предпосылкой метаэтики главная задача философии морали состоит в разъяснении логики морального рассуждения, основных моральных понятий — «добро», «долг», чтобы выявить, каким образом они связаны между собой. Успех в решении этой задачи зависит от того, насколько точно установлено, в каком смысле эти понятия употребляются. Как отмечалось выше, под влиянием объективных процессов, происходивших в науке, каждая область знаний нуждалась и нуждается в уточнении своего понятийного аппарата. В этих целях использовался логический, лингвистический и математический методы анализа.

Метаэтика также выдвинула на первый план исследование гносеологических и логических проблем морали, логической и лингвистической функции и структуры моральных суждений, понятий, их субординацию. Ее последователей интересовало, что люди имеют в виду, когда они, например, выносят суждение «X должен делать то-то». Сообщает ли оно что-либо о природе моральных фактов или выражает лишь эмоции, содержит ли рекомендации? Метаэтика исследует вопрос, какая логика применима к моральным суждениям, чем она отличается от логики суждений других наук и т. д. Эти исследования, как считают представители метаэтики, необходимы в качестве предварительного условия для анализа моральных норм, принципов, практического поведения людей. В частности, исследование моральных рассуждений, их логики должно было показать, как же люди действительно действуют на основании своих рассуждений. К тому же лингвистический анализ поможет не только точнее понять смысл употребляемых понятий, но и обнаружить бессмысленность некорректно постав-

ленных вопросов в том или ином моральном суждении.

Это говорит о том, что анализ проблем морали предполагает рассмотрение самой формы морального суждения. Но в метаэтике эта функция гипертрофирована, ей подчинены все остальные: мораль стала интересовать метаэтиков главным образом как специфическая область языка, связанная с чисто формальными закономерностями. Они утверждают, что «язык морали» требует чисто формального анализа, который достаточен для выявления сущности морали. В этой связи уделяется особое внимание анализу как основных этических понятий («добро», «правильное», «должное»), так и таких лингвистических выражений, как «предписание», «рекомендация», «оценка». Реальные представления людей о характере этих выражений остаются в тени. Представители различных школ метаэтики спорят лишь о той степени формализации моральных суждений, которая может обеспечить этике статус «строгой науки».

2. Представители метаэтики утверждают, что нет ничего общего между теоретическими (аналитическими) и нормативными проблемами. Результат анализа этических понятий и суждений неприменим к моральной позиции людей, к их оценкам, к моральным принципам и нормам. Из этого следует, что этические понятия являются только абстракциями и полностью оторваны от поступков людей, от социальных явлений, но тогда эти понятия практически теряют всякий смысл.

Здесь мы сталкиваемся с одним из противоречий, показывающим, что метаэтики не могут согласовать цель своего исследования с теми выводами, к которым они приходят. Современные буржуазные философы, обращаясь к такому традиционному вопросу, как природа этических суждений, имели в виду, как они сами утверждали, поднять уровень нормативной этики, придать нормам, принципам морали бóльшую убедительность. При этом они исходили из посылки, что принципы и нормы, которыми оперирует этика, должны быть выражены в форме научных законов. Эту позицию в настоящее время отстаивает целый ряд западных философов.

В докладе на XVI Международном философском конгрессе Д. Салливан ставил вопрос о возможности научной верификации (проверяемости. — К. III.) моральных суждений, имея в виду подтверждение их лишь точными фактами, к которым прибегают эмпирические

науки¹³. Вот почему при анализе этических суждений сторонников метаэтики главным образом интересовал вопрос о том, можно ли свести этические суждения к эмпирическим, применим ли в этике тот принцип верификации, который обычно применяется в суждениях других наук. Но, ставя так вопрос, метаэтики отвлекаются от специфики этических суждений, не учитывают, что они не могут быть непосредственно соотнесены с фактами реальной действительности, данными в чувственном опыте. Игнорируя эту особенность этических суждений, сторонники метаэтики (особенно в рамках позитивистских школ) пришли к выводу, что нормативные суждения в этике лишены рационального смысла. Следовательно, они не являются суждениями в собственном смысле этого слова, а выражают лишь эмоции, предпочтения и другие стороны субъективного опыта людей. К субъективному опыту были сведены также моральные нормы и принципы, что лишало их определенности, устойчивости, всеобщности. Другими словами, сами буржуазные философы считают, что моральные суждения лишены тех черт, которые дают возможность человеку руководствоваться ими в своем поведении¹⁴. Что касается вопроса об их истинности или ложности, то метаэтики объявили его иллюзорным, поскольку считали, что моральные суждения не имеют объективной основы. В результате такого подхода к анализу моральных ценностей нормативные проблемы оказались за рамками этической науки.

Теория морали, ограниченная лишь метапроблемами, резко обеднялась. Мы уже отмечали важность исследования самой формы морального суждения, которое может описывать реальные поступки людей. Сам анализ суждений позволяет сопоставить их с нашими поступками, а значит, корректировать сами суждения. В этом случае исследование моральных суждений служит предварительным условием анализа самого поведения, что является предметом нормативной этики. Но задачу последней не следует сводить только к формулированию принципов и норм должного, правильного поведения, исходя из анализа жизни. Она является наукой, которая занимается теоретическим анализом моральных суждений и норм, определением их ценности.

Болгарский философ В. Проданов в докладе на XVI Международном философском конгрессе отмечал, что